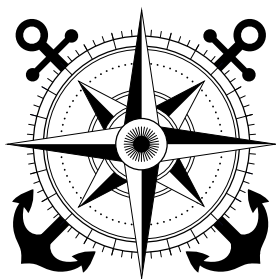

Игорь Чесноков

КОРАБЕЛЬНЫЕ ТАЙНЫ

ИСТОЧНИК
ЖИЗНИ

УДК 274/278

ББК 86.376

Ч51

Чесноков, И.

Ч51 Корабельные тайны : — Заокский : Источник жизни,
2020. — 128 с., илл.

ISBN 978-5-00126-114-8

Что это за деревянная фигура под бушпритом? Можно ли свистеть на корабле? Куда пропадают сухари кочегара? О чём рассказывается в старинной Библии, завернутой в парусиновый свёрток? Эти и другие тайны предстоит узнать читателям вместе с юными героями книги, отправляясь в плавание на пароходе «Св. Климентин».

Для детей старше шести лет.

УДК 274/278

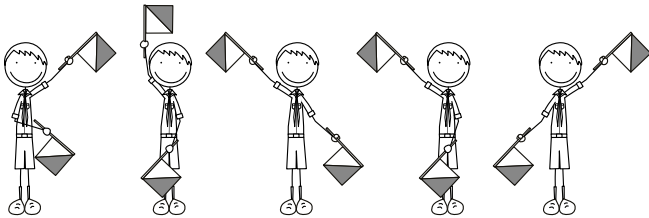
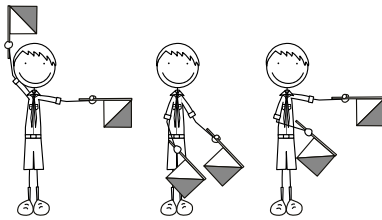
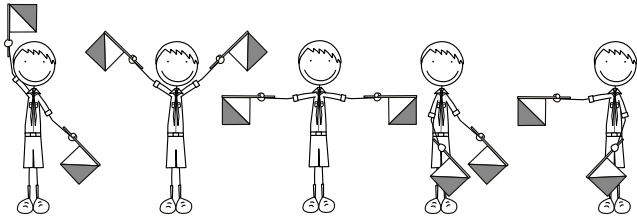
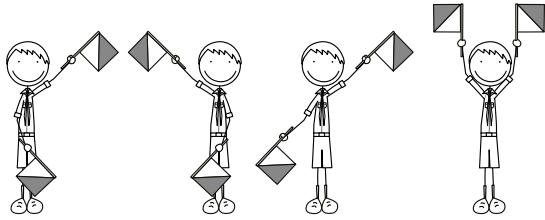
ББК 86.376

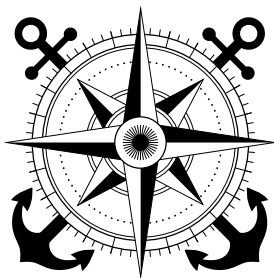
ISBN 978-5-00126-114-8

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Источник жизни», 2020

Оглавление

Глава 1.	Тайком в мечту.....	5
Глава 2.	Тащи или умри!.....	13
Глава 3.	Тайна для механика.....	23
Глава 4.	Корабельный гид.....	32
Глава 5.	Спасатели.....	39
Глава 6.	Тайна котельного отделения.....	47
Глава 7.	Посох Иакова.....	56
Глава 8.	«Св. Климентин».....	65
Глава 9.	Кайкулио.....	71
Глава 10.	Делия.....	78
Глава 11.	Почему он не тонет?.....	85
Глава 12.	Пираты.....	92
Глава 13.	Страшно?.....	101
Глава 14.	Кораблекрушение.....	108
Глава 15.	Спасение.....	116
	Эпилог.....	120
	Правила поведения на судне.....	122

Глава 1

Тайком в мечту

Красавец пароход с двумя парусными слегка скошенными к корме мачтами и тонкой длинной трубой между ними стоял неподвижно, будто прикрепленный к причалу. На борту в носовой части выписано название: «Св. Климентин». Корабль лениво дымил своей чёрной трубой, скупно рассеивая дымок вдоль портовых складов.

Это подымливание не давало покоя Леону с самого утра. Дней пять как вошёл корабль в гавань Дилигана, и всё это время не дымил, словно затаил дыхание.

По широким трапам сновали грузчики. Сначала они выносили из носового трюма грузы и исчезали со своими ношами в тёмном проёме приземистого склада. Потом, наоборот, затаскивали тюки, мешки, ящики и закатывали бочки с берега в трюм.

«Задымил — значит, готовится в рейс», — решил Леон, поглядывая на пароход издали, от конторки лоцманской службы. В свои тринадцать лет он был наблюдательным

и рассудительным малым. И тому, что пароходный дымок лишил мальчишку покоя, была своя причина. По этой-то причине он накануне вечером забежал к своему другу Дею узнать, не передумал ли тот, и дать последние указания относительно того, что нужно взять с собой...

Теперь он нетерпеливо топтался на месте, поглядывая в даль улицы. Со стороны Леон казался обычным городским мальчишкой в поношенных курточке и штанах, в таких же не новых башмаках и в кепи с большим козырьком. Открытое лицо, решительный не по-мальчишески взгляд.

Наконец показался Дей, торопливо шагавший по мостовой. Одет он был приблизительно так же, как и Леон. А его голову венчал синий помятый берет, из-под которого на лоб падала косая чёлка. Подошёл, кивнул вопросительно в сторону парохода. Леон мигнул: «все, мол, в порядке». За спиной Дея виднелась пухлая холщовая сума, подобная той, что была и у его товарища.

Неторопливой походкой они приблизились к высокой груде тюков, завернули за неё, вытащили из-под рубашек по джутовому мешку, какие свисали с головы на спину у грузчиков. Ребята таким же образом надели мешки на себя, сверху нагрузили по тюку, после чего поспешили, полуприсев под тяжестью груза, к трапу и незаметно влились в вереницу грузчиков. Спустились по другому трапу в трюм, скинули ноши на помост, откуда трюмные хватали тюки и укладывали их. Освободившись от ноши, парни незаметно нырнули в полутьму судового чрева.

Нужно было отдышаться и убедиться в том, что их не заметили. Леон ощутил слабость в ногах от тяжёлого груза. Давала о себе знать и предательская дрожь в груди, куда невольно закрался незванный страх. Дей тоже настороженно оглядывался, тяжело дыша. Теперь нужно было спрятаться.

Леон помнил, что где-то в носовой части первого трюма должна быть дверь в канатный ящик. О ней узнал от отца,

матроса парусника «Сириус», когда побывал однажды у него на корабле. А попал он на «Сириус» после долгих просьб и уговоров. Отец с подозрением относился к желанию сына познакомиться с судном. Он не хотел, чтобы Леон тоже стал моряком. И вообще не желал никому такой трудной и неблагодарной доли, какой, по его словам, хлебнул сам, связавшись с кораблями, парусами, штормами, скитаниями по морям в тяжких матросских трудах. Но однажды он всё же уступил упорству сына и сводил его на свою «посудину», когда «Сириус» зашёл в их порт.

Наконец ребята нащупали ручку тяжёлой двери. Она, к их радости, оказалась незапертой. Проникнув за неё, они оказались в ещё более тёмном месте — в каком-то тесном закутке — и затаились там.

А нам впору поразмышлять о том, что же заставило Леона столь хитрым путём проникнуть на пароход-парусник, который вот-вот должен был покинуть Дилиган и выйти в море. Когда Леон ходил по судну отца и всматривался восторженным взглядом во всё, что было на нём, его очень заинтересовала в носовой части под бушпритом фигура, вырезанная из дерева. Дева почти на полтуловища как бы вырастала из корпуса корабля, устремляясь вперёд.

На расспросы о фигуре отец ответил, что это, мол, хранительница судна. Хотя кто она такая, точно не знает. И что вообще-то для моряков она является тайной, поскольку неизвестно было, кто и когда придумал эти фигуры для кораблей. Да никого особо это и не интересовало.

Отец добавил, что на старых парусниках бывает немало таинственного и загадочного, но матросы на такое не обращают внимания.

И когда в порту встал к причалу пароход-парусник, на его форштевне Леон увидел тоже резную человеческую фигуру в полтуловища. Спросил о ней у проходившего мимо матроса, но тот лишь пожал плечами. Леону стало

любопытно, что это за фигура и почему её поместили там, впереди корабля? Вообще он был любознательным, и это отражалось даже на его облике. На лице Леона часто появлялось вопросительное выражение.

И вот возникло навязчивое желание побывать на этом чудо-корабле с парусами и дымной трубой. В тот же миг его ужалила шальная мысль: а не уплыть ли на нём в море, чтобы самому увидеть, каково оно и отчего отец не желает, чтобы он, Леон, стал моряком? А заодно попробовать прознать про тайны, какие скрывает каждый корабль.

Так созрел секретный план. Его друг, простоватый Дей, с азартом согласился примкнуть к Леону и вместе ринуться в это приключение. Ведь не в морском ли городе они живут, и разве не выросли уже оба из коротких детских штанишек?!

Вот почему оказались Леон и Дей в тёмном неудобном канатном ящике рядом с тяжёлой грудой якорных цепей, которые тускло поблёскивали в скупом свете, сочившемся сверху из цепных клюзов-отверстий.

Ребята тихонько сидели в своём укрытии, поражённые своим дерзким проникновением на неведомый пароход. Оставалось дожидаться его выхода в море. И тогда для них должна будет начаться новая, совсем другая, неизведанная жизнь, и наверняка полная приключений!

Какова она, жизнь моряков в море? Леону очень хотелось это узнать, чтобы понять, почему отец жаловался на свою работу, но и не желал бросать её.

Друзья сидели молча. Да и о чём могли они говорить теперь, находясь в неведении о том, что будет, когда их обнаружат. Мальчики уже истомились в своём тревожном ожидании, но вдруг звуки погрузки утихли. А спустя ещё некоторое время застучало над головами, и к ним в канатный ящик с тяжёлым звяканьем повалилась сверху якорная цепь.

— Отходим! — радостно прошептал Леон. Он знал: судно теперь подтягивается к брошенному в стороне от причала якорю, чтобы оторваться от берега и начать движение. Такое он не однажды наблюдал в порту.

Наконец вздрогнул корпус корабля, и ребята ощутили его плавное биение. Зарботала паровая машина, догадались они.

Ныло от долгой неподвижности всё тело, но друзья продолжали сидеть в полутьме. Во-первых, не верилось своему счастью: они отплывают из порта! А во-вторых, нельзя было обнаруживать себя, прежде чем на свой бот сойдёт с корабля лоцман, который всегда выводит суда из гавани. Ведь если обнаружат «зайцев» до этого момента, то сразу ссадят на лоцманский бот и вернут на берег. Притом наверняка с очень нелестными выражениями от капитана, а возможно, ещё и с крепкими матросскими тумачами.

Неожиданный собачий лай за дверь заставил ребят вздрогнуть. Послышалось царапанье в дверь. Друзья оцепенели: они обнаружены!

Дверь распахнулась, и большой чёрно-белый пёс с лаем набросился на незнакомцев. Затем появился свет от керосинового фонаря, а вместе с ним — физиономия долгового мальчишки. Он удивлённо разглядывал безбилетных «пассажиров». Паренёк был приблизительно одного с ними возраста. Ребята сразу отметили, что по виду и щеголеватой одежде он не похож на обычных уличных мальчишек. Одет он был в красивую полосатую, как у матросов, рубашку, в штанишки, схваченные чуть ниже колен пуговками, в гетры, на ногах — башмачки с пряжками, на голове была белая кепка с помпоном.

Придя в себя, мальчишка цыкнул на собаку, оттащил её за ошейник и злорадно произнёс ломающимся баском:

— Ага, «зайцы»! А ну вылезайте, пойдёте со мной к отцу!

— К кому? — пролепетал Леон, не зная, что ещё сказать в минуту разочарования из-за крушения его надежд.

— К отцу. Мой отец — капитан! — заносчиво заявил мальчишка. — Вот похвалит-то он меня и Дюка! — Паренёк кивнул в сторону пса, который в тот момент помалкивал и лишь настороженно наблюдал за чужаками.

— А может, не надо? — несмело подал голос Дей.

— Что?! — возмущённо воскликнул капитанский сынок. — Вам захотелось покататься на нашем океанском корабле и вы хотите, чтобы я закрыл на это глаза? А ну выходите! — задиристо потребовал он. — Пойдёмте со мной! Вас ещё успеют высадить с лоцманом.

— Мы здесь не покататься, — поддержал Леон своего товарища, — мы — за тайной этого корабля.

— Че-го-о? — недоверчиво прищурился паренёк с фонарём. — За какой ещё тайной?

— Понимаешь, — оживился Леон, — у каждого корабля есть свои тайны. И этот пароход тоже их имеет. Вот мы и решили узнать о них и рассказать потом другим. Ты-то сам знаешь тайны корабля твоего отца?

— Не-ет, — с недоумением признался паренёк.

— Вот! — воскликнул Дей. — А могли бы вместе с тобой раскрыть их. Разве не интересно?

Сын капитана растерянно заморгал. Потом он долго всматривался в «зайцев» — то в одного, то в другого, пытаясь, видно, определить, не разыгрывают ли они его.

— А какие тайны могут быть у нашего корабля? — неуверенно промолвил он, продолжая недоверчиво разглядывать ребят.

— Ну, например, носовая фигура, — подсказал Леон, и в голосе его послышалась нотка надежды. — Что это? И почему размещена на этом корабле?

— Или взять к-клотики на мачтах, — подхватил Дей. Нередко он заикался, словно его слова натыкались на неведомую преграду. — П-почему клотики такие и что в них укрыто?

— А название парохода, — напирал Леон. — О ком оно говорит? И что означает?

Капитанский отпрыск уже задумчиво поглядывал на «зайцев».

— Ин-те-ре-сно, — протянул он наконец, и в его глазах блеснули живые огоньки. — А ведь и вправду мы можем вместе искать и раскрывать! — пробормотал он неожиданно для ребят да, видимо, и для себя самого.

— Вот именно! — уверенно подхватил Леон.

Сын капитана подумал ещё немного, озадаченно наморщив лоб. Было видно, что он колебался.

— Ну что ж, — наконец решился он, — тогда я, пожалуй, не выдам вас, пока не выйдем в открытое море.

— У-у-у, здорово! — восхитился Леон. — Ты, оказывается, настоящий следопыт и хороший друг. Я — Леон, это — Дей, а тебя как зовут?

— Дениз.

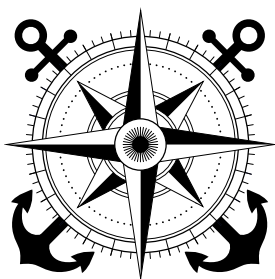
Друзья обменялись с Денизом рукопожатиями. Это было одновременно и знакомство, и как бы уговор о начале совместного «дела».

— А знаете что? — сын капитана лукаво прищурился. — Давайте назовёмся, ну, скажем, «Обществом корабельных тайн», а?

Ребята согласно кивнули. В их глазах вспыхнули восторженные искорки.

— В общем, ждите! — велел Дениз и, свистнув собаке, исчез так же внезапно, как и появился.

Глава 2

Тащи или умри!

Леон с ожесточением возил по доскам палубы тяжелой корабельной шваброй. Он то и дело топил в ведре с водой её длинные космы из распущенных верёвок.

Лицо парня отражало невыразимую муку. «Св. Климентин», идя под парусами, раскачивался на волнах, и эта качка вызывала рвотные приступы. Время от времени Леон вынужден был бросить своё орудие труда, чтобы опрোметью кинуться к борту и, склонившись над шипевшей пеной морской водой, снова и снова «метать харчи». А вода за бортом шумела не умолкая, то и дело всплывавшая гребни волн. Сверху слышалось похлопывание парусного полотнища. Прохладный ветер забирался за ворот куртки. Кричали чайки, сопровождавшие корабль, и Леону казалось, что они издевались над ним.

Нередко тяжёлая швабра сама устремлялась вслед за креном судна, увлекая за собой и Леона. И тогда он смешно скакал, стараясь удержать её. А порой ведро начинало

скользить по наклонившейся палубе. Леон бросался к нему, пытаясь остановить его и не дать расплескаться воде. Иначе пришлось бы снова зачерпывать воду за бортом, да ещё и вдвоём с Деём. Ведь это тоже было мучительно трудное занятие. Требовалось навить кольцами привязанный к ведру конец верёвки и крепко держать его одной рукой. А другой рукой, склонившись за борт, закинуть тяжёлое ведро в море вперёд по ходу судна. Да так ловко, чтобы оно плюхнулось кверху дном. Развевшийся вслед за ведром конец нужно было сразу резко потянуть, чтобы зачерпнулось полное ведро, а потом быстро тащить наверх, пока его не унесло струившейся вдоль борта водой и, чего доброго, не вырвало из рук.

Такому искусству Леона и Дея терпеливо обучал боцман, показывая, как это делается. А когда вручил ведро, чтобы каждый самостоятельно попробовал, то конец предусмотрительно привязал к кольцу на планшире — бортовом бруске. Это оказалось не лишним: ни Леону, ни его другу никак не удавалось зачерпнуть воду на ходу. Ведро, конечно, упускали, и тогда приходилось боцману с крепкими словечками самому вытаскивать его. В конце концов он велел юнгам «ловить» воду за бортом вдвоём до тех пор, пока не научатся.

Поэтому Леон и спешил всякий раз за ускользавшим по палубе ведром, чтобы не приходилось звать Дея, который швабрил палубу на другом борту. Ребята выполняли эту матросскую работу, не будучи матросами. Но и «зайцами» они уже не были.

Из канатного ящика капитанский сынок вызволил их, немало уже измученных ожиданием. Освещая путь фонарём, он провёл друзей по трюмному лабиринту между прочно закреплёнными бочками, ящиками и тюками к трапу, который вывел их наверх, в коридор надстройки. Там приостановились.

— Сейчас идём к отцу, — сообщил Дениз, и «зайцев» охватила робость.

— Вы не дрейфите, — постарался успокоить их Дениз. — Отец, конечно, ужасно рассердился, когда узнал про вас, даже стал кричать. Я сказал ему, что мы с Дюком случайно нашли вас. Дюк, говорю, что-то забеспокоился, потянул меня к носовому трюму. Мы спустились, пёс привёл меня к канатному ящику и начал лаять на дверь. В общем, отец пошумел, а потом решил созвать своих помощников. Сейчас придём — будут решать, как быть. Но от берега мы уже далеко ушли, — заговорщически подмигнул Дениз.

Дрейфить:

на морском

жаргоне

«трусить».

Вслед за ним ребята шагнули в каюту капитана и остановились, виновато опустив головы.

— Кто такие? Чьи? Почему здесь? — услышали они строгий, недовольный голос. Он должен был принадлежать, конечно же, капитану. Подняв глаза, ребята увидели худощавого мужчину, лет сорока, лысоватого,

с пышными тёмными бакенбардами и в форменной тужурке. Он сидел за дубовым столом и хмуро глядел на «зайцев». Ещё четверо примостились на стульях кто где. Дениз остановился за их спинами.

— Я — Леон, а это — мой друг Дей. Мы из этого города. Мой отец — матрос на «Сириусе», у Дея папа работает на почте. Мы всю жизнь мечтаем о море, и вот... — проговорил Леон тихим голосом, понурившись.

— Всю жизнь мечтаем! — едко отозвался капитан. — А лет-то сколько этой вашей жизни?

— Нам по тринадцать, — ответил Дей за двоих.

— И куда же вы собрались в свои тринадцать?

— Мы... Нам всё равно, — промямлил Леон. — Лишь бы в плавание.

— В пла-авание! — издевательски передразнил капитан, явно раздражённый. — Отчего же не пришли ко мне и не попросились в плавание, а тайком пробрались?

Друзья молчали.

— Я просился у отца в море, — вымолвил Леон. — А он сказал, что мал ещё и чтоб вообще не думал об этом. Хватит, мол, в семье того, что он, отец, скитается по морям ради хоть какого-то заработка.

— А что же ты не послушался родителя, разве это по-христиански? — строго спросил капитан. — В церковь-то ходите?

— Да, — кивнул Леон.

— Не всегда, — признался Дей.

— Выходит, собрались в плавание, не спросив ни у родителей, ни у капитана. И дома ведь вас ищут!

— Я велел сестре, чтобы она вечером сказала матери, где я и что вернусь скоро, — промямлил Леон.

— Я тоже оставил за-записку, — пробормотал Дей, заикаясь от волнения.

— А пропитание взяли с собой? На сколько недель плавания запаслись? — осведомился капитан.

— Не взяли, — понял он по молчанию ребят. — Значит, решили и покататься по морю бесплатно, и покормиться так же — за чужой счёт. А вы хоть понимаете, что совершили не просто безрассудный поступок, а настоящее преступление?

Ребята, всё так же потупившись, безмолвствовали.

Капитан обернулся к помощникам:

— Что прикажете делать, господа, с этими беглецами, нелегальными пассажирами, а точнее даже сказать, с преступниками?

Отозвался человек в робе, он мял в руках клок замасленной ветоши. Похоже было — механик. Его слова прогремели для ребят как раскат грома:

— Да выкинуть их за борт, и дело с концом. Как будто и не было ничего и никого! — бесстрастным голосом произнёс механик.

Друзья ошеломлённо вытаращили глаза: он это серьёзно? Остальные помощники промолчали.

— Все согласны с этим? — капитан обвёл своих людей взглядом, и в глазах его можно было заметить смешливую искорку.

Друзья растерянно взглянули на Дениза, но тот хранил загадочный вид.

— А что ты скажешь, боцман? — продолжал капитан.

Боцман заёрзал. Он был рослый, усы и борода на всё лицо, тяжёлый взгляд из-под нависших бровей, на голове — давно не чёсанные волосы неопределённого цвета. В руках он держал шляпу. Было что-то медвежье в его сутуловатой большой фигуре. А ещё у него был выдающийся нос, который спелой грушей нависал над усами.

— Плавать-то умеете? — неприязненно пробасил боцман. — Берег далеко.

Невольный ужас отразился в глазах мальчишек.

— Нет, не доплыть этим малькам до берега, — убеждённо сказал боцман, — утопнут.

Он помолчал немного, скорбно покачал головой, словно уже хоронил парней.

Фордевинд:
ветер сзади.

— Хотя... — боцман оценивающе оглядел обоих, — может, не стоит нам терять эту какую-никакую рабочую силу, капитан? Можете отдать их мне. Будут юнгами. До первого порта. А там решите, что с ними делать, то ли прогнать, то ли сдать полиции.

...Словом, оказались «зайцы» дополнительной рабочей силой. При этом боцману Финбару предстояла нелёгкая задача: сделать юнцов моряками.

Разместили юнг в жилом трюме с матросами, выдали им по тюфяку, подушке и тонкому одеялу. И стали ребята с раннего утра выходить на палубные работы. С одной стороны, пришло успокоение, а с другой — не оставляла и непонятная тревога: что станет с ними в первом же порту?..

— К повороту фордеви-инд! — послышался громкий голос вахтенного штурмана с ходового мостика, что располагался впереди дымовой трубы. Разнеслись трели боцманской дудки, затопали десятки башмаков.

— Пошли, пошли! — горланил Финбар. — Шевелись, дохлые медузы!

Матросы — бородатые здоровяки в головных повязках и в шапочках — бегом занимали места у снастей, блоков. По команде пошли на поворот реи с парусами, ослабели островерхие кливера перед фок-мачтой, завертели штурвал два рулевых, — корабль стал ложиться на другой галс. Это чтобы на встречном ветре, которым сменился вчерашний попутный, не сойти с генерального курса.

Всё это юнги узнают позднее. Но не от боцмана. Впрочем, Дениз поведал уже друзьям о том, что самый суровый на судне человек — не боцман, а старший помощник капитана. Но он заболел, остался на берегу. Другого найти не удалось, и пошли в море без старпома. Его обязанности принял штурман. Вахты на мостике стали нести попеременно капитан, штурман и два самых смышлёных матроса-вперёдсмотрящих. Один из них время от времени поднимался на мачту.

Чтобы не мешать, друзья отступили к корме, закатывая глаза от подступавшей тошноты.

После поворота боцман подошёл к юнгам, с ухмылкой поглядывая на их страдальческие физиономии, и встал, широко расставив ноги, на неверной палубе.

Кливер:

треугольный парус.

— Ну что, салаги, не нравится вам море? — гаркнул морской волк, поправляя завязки своей диковинной шляпы с полуоборванными полями. Он сделал её такой, чтобы ветер не срывал с головы. — Небось, пожалели уже, что сбежали из дома, триста шквалов вам за ворот!

— Не-е, — в один голос протянули друзья.

Галс:

*курс судна
относительно
ветра.*

— Тогда приучайтесь к морю. И к морской жизни. Пока вы на корабле, должны подчиняться морским правилам. Они вывешены в коридоре надстройки и в вашем трюме. Выучите их и исполняйте. За нарушение буду строго наказывать! — сурово пригрозил Финбар.

Он оценивающе взглянул на разгулявшиеся волны, потрогал свой нос, словно хотел убедиться, что тот на месте, и добавил, кивнув на море: — Такое будет часто. Так что жить, мальки, будете теперь враскачку. А сейчас уберите вёдра со швабрами и вернитесь. Да живо, акульки дети!

Когда ребята вернулись, боцман ткнул пальцем в грудь Дея:

— Ты — вынимай из гнезда анкерок, вон там у мачты...

— Что вы-вынимать? — не понял Дей.

— Бочонок с питьевой водой, — недовольным тоном пояснил Финбар. — И бегом неси его к брашпилю. А ты, — он повернулся к Леону, — хватай вон ту бухту и тащи её бегом туда же.

— Бухту? — в свою очередь переспросил Леон.

— Да, эту скрутку каната.

Бухта оказалась тяжелой. Леон с трудом взвалил её на плечо и как можно скорее потащил, кряхтя. Но быстро не получалось. Подгибались ноги от тяжести и от тошнотворной слабости. Он не испытывал прежде такой противной

нескончаемой качки. И более всего хотелось оказаться на твёрдой земле.

Ответив, что не пожалели, оказавшись на корабле, ребята слукавили, не желая выказать свою слабость, непригодность. Признайся они, что пожалели, и вся команда будет издевательски насмеяться над незадачливыми беглецами-мореманами. А потому, сжав зубы, Леон тащил, едва удерживаясь на зыбкой палубе, свой груз с желанием поскорее сбросить его у брашпиля. Не отступала и тошнота. С утра они с Деем ничего не ели: от одной мысли о еде уже становилось худо.

К брашпилю Леон доплёлся, ощущая потемнение в глазах. С облегчением скинул бухту рядом с анкерком приятеля. Оба не понимали, для чего нужны эти канат и бочонок здесь, в пустой носовой части судна.

Леон переводя дух опёрся о зачехлённый брашпиль. Но спустя минуту услышал грубый голос Финбара:

— Эй, мальки! К чему здесь то, что вы приволокли?

Ребята в недоумении уставились на боцмана.

— А ну-ка взяли и отнесли на место, салаги!

Это прозвучало издевательски. Леону захотелось умереть — можно ли вынести такое!

Но и умолять о пощаде, признаваясь в слабости, совсем не хотелось. Друзья обречённо взвалили на себя свой груз и побрели назад, покачиваясь от тяжести и стараясь не глядеть за борт на беспокойные пенные волны.

На корме Леон сбросил бухту и обессиленно опустился на неё. Рядом стукнул о палубу анкерок Дея. Едва отдышавшись, Леон собрался отправиться к себе в трюм, решив, что всё уже позади. Но, подняв глаза, он обомлел. Перед

Брашпиль:
*палубный
механизм
с двигателем
для спуска
и подъёма
якоря.*

юнками нависала медвежья фигура Финбара, стоявшего так же — с широко расставленными ногами.

— Тяжело? — почти участливо пророкотал мучитель. — Это чтобы вы знали: на море легко не бывает! А для полного усвоения этого что вам сейчас нужно?

Ребята затравленно глядели на своего истязателя.

— Нужно снова отнести всё это к брашпилю, ленивые тюлени! А потом вернуть сюда, на свои места, — жёстко и неумолимо произнёс боцман и тем самым вверг страдальцев в полное отчаяние.

— А после этого на сегодня всё! — великодушно пообещал Финбар.

«Если самым суровым здесь был старпом, то, выходит, боцман — добродушный котёнок по сравнению с ним?» — тоскливо подумал Леон.

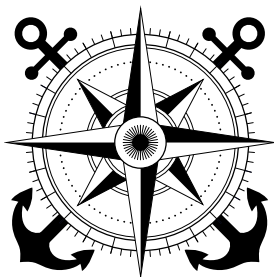
А когда он, вконец измождённый и измочаленный, едва перебирая ногами, тащился с тяжелой бухтой назад и считал последние шаги до окончания своих невыносимых мук, едва не падая, то неожиданно поймал себя на том, что забыл о качке и что она уже не беспокоила его в этом напряжённом состоянии. Отошла куда-то и тошнота, осталась одна лишь смертельная усталость. А ещё он ощутил неожиданное желание поесть.

Оказавшись на корме, ребята несмело огляделись, но боцманской диковинной шляпы нигде не было видно.

Стоя на подкашивающихся от усталости ногах, Леон обнял друга и, еле шевеля губами, удивлённо произнёс:

— Дейка, а ведь он приучил нас сегодня к морю!

Глава 3

Тайна для механика

Юнги нашвабривают палубу и с завистью поглядывают на ходовой мостик. Там Дениз накручивает штурвал вместе с матросом-рулевым. Одному рулевое колесо парусника поворачивать тяжело. Рядом с ним сидит верный пёс Дюк.

Вахтенный помощник Филикс, высокий, худощавый, в белом кителе, неспешно вышагивает по мостику. Он изредка поглядывает то на компас возле штурвала, то вперёд, поднося к глазам бинокль. А порой, задрав голову, окидывает взглядом паруса — все ли они полны ветра?

Второй рулевой матрос стоит в сторонке, облокотившись о поручни: сын капитана решил поручить. Отец позволяет ему это. Дениз уже успел похвастаться ребятам, что умеет держать судно на курсе.

Иногда в конце рабочего дня друзья втроём встречались в закутке коридора надстройки. Качка уже не беспокоила Леона и Дея. Ребята решили, что пора бы заняться тайнами корабля. Ведь так много здесь неизвестного! Первая загад-

ка — как может корабль, когда у него идёт дым из трубы, плыть без парусов на какой-то машине?

Дениз тоже не знал, как именно работает машина.

— Пусть нам расскажет её хозяин, механик Нейтон, — предложил сын капитана.

И они решили навестить механика. Дениз договорился с ним о встрече.

Пробили склянки. Дениз вернул штурвал второму рулевому, спустился к ребятам на палубу.

**Ходовой
мостик:**
*место
управления
судном.*

— Жду вас там, где всегда, — напомнил он. — А пока отведу Дюка в каюту, чтобы не мешал.

Переодевшись и умывшись, юнги поспешили к надстройке. И вот они втроем уже в каюте механика.

— Вы, оказывается, ребята не только бесстрашные, но и любознательные, — приветствовал их Нейтон.

Это был немолодой, лет за сорок, человек с седоватой шевелюрой, прикрытой чёрным беретом. Лицо безусое, с короткой бородкой, умные глаза.

— Дениз рассказал мне о вашем интересе.

Приветливость Нейтона сбила ребят с толку. Они ожидали увидеть грозного механика с недовольным, а то и сердитым лицом, ведь это он предлагал выкинуть их за борт. Но жажда увидеть таинственную паровую машину и узнать, как она работает, переборолла. Радушная же встреча и вовсе ободрила юных моряков.

Механик надел нитяные перчатки, зажёл фонарь и повёл ребят закоулками трапов вниз, в тёплую темноту, пахнущую машинным маслом.

— Перед вами котёл, — указал он на огромную круглую железную стенку с тремя массивными металлическими дверцами снизу, с какими-то трубами, круглыми цифербла-